

Проводи меня

Проводи меня до той двери,
За которой темень и молчание.

Ни о чём не будем говорить.
Ни к чему условности прощания.

Я останусь в полной тишине,
Не страшась тоски и отчуждения.

Там в крошечном царствии камней
Опустелость и уединение.

Пусть сгорят листвой календари,
Осень память ворошит отчаянно.

Проводи меня до той двери,
За которой темень и молчание.

Ты говори

Ты говори, я буду знать, что здесь	И гаснет свет, и тает жёлтый лист.
Не пустота, что рядом кто-то есть.	Печаль моя исполнит отраженье
Лица не увидеть, и увядает	На той реке, в которой нету дна.
В кашпо песочном сонный декабрист.	Ты говори, твори полутона,
Ты говори, чего мне не хватает...	Спасающие нас от пробужденья.

* * *

Памяти причудливый узор:
У печи так жарко мне и сладко.
На стене раскинулся ковёр,
В золотистом фантике помадка.

Бабушка заводит пирожки,
Действия размеренны и чинны.
— Бабушка, немного подожди,
Я сама придумаю начинки.

Тесто дышит, вширь растёт и ввысь,
Ноздревато, пышно, ароматно.
Годы друг за другом пронеслись,
Детство упорхнуло безвозвратно.

Вот бы кто затеял пирожки.
— Бабушка!!! — Да, кто теперь услышит..
За окном сентябрьские дожди,
И тихонько опадают вишни.

Водоворот

Нет никого, кто здесь возник случайно
И заплывал с тобою за буйки.
А было что?
Вода была вначале,
И той воды хватало для реки,
И было той воды для океана
И ввысь, и вширь распелась, раздалась.
Что ей туманы, что ей ураганы...
Она шумела, пенилась, неслась
По всем дорогам, наполняя жизнью
Любой забытый солнцем закуток.
Она любила ризных и капризных,
Любила так, как завещал ей Бог.
И было той воды для зарожденья
От плоти, крови, духа и ума
И было Слово — Слово во спасенье.
...Но вдруг зима.

Нить прошлого

Дед разбирает хлам на чердаке.
Безделицы, затейливые штучки.
Вот деревянный меч в его руке,
В резном лотке крючки и закорючки.
Раскладывает вещи по местам:
«Тут кое-что пора уже на выброс».

Я помню, будто и поныне там...
Мне эта память всё ещё на вырост.
Дед вяжет снасти, ельчиком челнок
Ныряет в полноводье нитей белых.
И долог день, медвяно-сладок сок
Малины дикой ягод переспелых.

Мне ближе этот день издавека.
Где каждый миг теперь по-детски светел.
Нить прошлого надёжна и крепка,
Как дедовы причудливые сети.

* * *

У меня были разные имена,
У меня были разные фамилии.
Меня вы любили.
В этой жизни я трижды меняла кожу.
Вы делали оригами,
Ожидая меня у подножия Фудзиямы.
Или Мак-Кинли, или Монблана.
У меня были длинные волосы
Красного цвета
И браслеты сандаловой теплоты.
А когда мы вдруг стали на «ты»,
Я выбрала себе только одно имя
И только один взгляд.
Каждая моя слеза — бриллиант.
Теперь ты приносишь усатых сомов.
Я готовлю рыбные пироги
И трижды в день принимаю капли
От памяти. Чтобы забыть,
Как же прекрасно мы жили.

В август

Человек, входящий в август,
Что, скажи, несёшь с собою?
Повышающийся градус

Ты готов признать любовью.
Называет сердце птицей.
Называет птицу вещей.

А наружу рвётся рыцарь,
И душа его трепещет.
Пусть рябиной недоспелой
Горизонт под вечер розов.
У скучающей омелы

Не спеши узнать прогнозов.
Разбежится, разойдётся
Шумный августовский ливень.
Человек светло смеётся.
Но своё не скажет имя...

* * *

Прими его и пронеси над бездной.
Ему и так несладко в этой книге.
Пока ты остаёшься неизвестной,
Он может стать могучим и великим.
Согрей его дыханием и взглядом,
Он ощутит тепло за монитором.

Ему ещё командовать парадом
И покорять вершины и просторы.
Наступит завтра, он придёт с охоты
Или вернётся из далёких странствий...
И на его «спасибо за заботу»
Ты скажешь: «Здравствуй!»

Аларь

Здесь веков не потревоженная пыль,
Вдоль дороги подорожник и ковыль.
К небесам восходят маковки Саян,
Укрывает солонцы трава-буян.

Ламский сад, улзетской рощи полоса,
Звонких скворушек родные голоса.
Вдалеке узор загадочной тайги,
За Аларкой кружевные тальники.

Детский смех и осторожный детский след.
Неуверенный вопрос, простой ответ.
Мы невольно сердцем тянемся домой,
Где для нас ещё горит огонь живой.

Дочери Александре

Бог индейцев затеплил солнце,
Пробудились дымы и ливни.
Золотая моя, найдётся
Молодой, озорной, красивый.
Мы, рождённые рыжей степью,
Так отчаянно-лучезарны.
Золотая моя, ты крепни
Телом, духом, клинком и кармой.
Мы пойдём по тропе шамана,
Побеседуем с белым камнем.
Нас хранят тайники-туманы,
Нам вожатые ветры-стаи.
Чем не прерии — наши дали?
Словно воины строим обо.
Мы с тобой ещё не летали.
Золотая моя, попробуй!

Часы

Часы, как старые гадалки,
Пророчат шёпотом судьбу.
Стрекочут стрелки. Из-под палки
Я за пророчеством бреду.

То щёлкнет кнут, то пряник сладкий
Внезапно к чаю подадут.
Пока решаем мы загадки,
Часы для нас ещё идут.

Вдвоём

Осень долгая, как пятница в четверг.
Телефоны ни к чему, когда нет слов.
Расставанья круг опять берёт разбег,
Циферблатам вопреки течёт любовь.

На мелованной бумаге пустяки,
В расстояниях измеренная грусть.
Остывают безответные гудки.
Осень долгая, как вечность. Ну и пусть.

Позабудется отцветшая весна,
Тихий август, до него июль хмельной.
Отшумели, отплескали два весла,
Осень долгая застыла над водой.

Четверга исход, и вот уже зима.
Наконец ты нас нашла за январём.
Телефоны разгорелись добела,
Значит, чувства. Значит, мы ещё живём.